

Пётр КРАСНОВ

К ПРОБЛЕМЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

Выступление на XXV Международной писательской встрече в Ясной Поляне.

Пётр Николаевич Краснов родился в 1950 году в селе Ратчино Шарлыкского района Оренбургской области. Окончил Оренбургский сельскохозяйственный институт, Высшие литературные курсы в Москве, работал агрономом, журналистом. Известный прозаик, лауреат Всесоюзной премии им. М. Горького за лучшую первую книгу, Большой литературной премии России, всероссийских литературных премий им. И. Бунина, им. Александра Невского «России верные сыны», им. Мамина-Сибиряка, им. Льва Толстого «Ясная Поляна», «Капитанская дочка», областной премии «Оренбургская лира», премии им. В. Правдухина альманаха «Гостинный Двор». Награждён дипломом ЮНЕСКО за выдающийся вклад в мировую культуру. Живёт в Оренбурге.

Уже не раз говорили мы на наших Международных писательских встречах в Ясной Поляне о вере Льва Николаевича Толстого в духовные способности и возможности Человека как социального существа, созданного «по образу и подобию» Бога, имеющего в глубине души тот самый кантовский «нравственный закон во мне», который в конце концов неминуемо должен, по мнению писателя, сказаться на всей будущей истории человечества, «выправит» её до должного совершенства.

Схожей верой обладал другой великий писатель Иван Антонович Ефремов, воплотивший в своих произведениях самые смелые мечты человеческого рода, хотя и понимал все трудности этого весьма нелёгкого процесса даже в далёком будущем.

Лев Николаевич же был убеждён, что стоит людям, грубо говоря, убедительно растолковать всю моральную гнусность и неприемлемость нынешнего существования, соединить людей лучшими

сторонами их природы (а не худшими, как в его определении толпы), объединив их в известной его «единой вере» сверхэкуменического толка, и цель в результате «революции сознания» будет во благовремени достигнута, и сама жизнь людских сообществ непременно улучшится.

Но вот вопрос веры в человека утыкается в вопрошание другое: в какого человека? О моральных, ментальных и прочих разновидностях его лучше всего говорит состав «гостевого контингента» Ясной Поляны, людей, пытавшихся узнать и понять ли, воспринять ли идеи Льва Николаевича и использовать их, каждый в своём деле, — или что-то привнести от себя в движение «толстовства» как такового, а в чём-то даже и навязать ЛНТ свои взгляды и методы. Среди них были как сравнительно пассивные последователи всяческих религиозных и мироустроительных течений, так и весьма активные, волевые фанаты, умеющие убеждать и «строить под себя» единоверцев и ещё не вполне уверовавших. И Льву Николаевичу приходилось порой довольно-таки непросто иметь с ними дело в этих идейных разногласиях и шатаниях, которых более чем хватало. Этот беспримерный в истории мировой литературы вероучительный «коллоквиум» длился не одно десятилетие и почти непрерывно, если учесть и почтовую переписку. И не мог, конечно, не оказать своего огромного влияния не только на гостей, но и на самого

его основателя, в каком-то смысле даже радикализировать самоё «учение» и тем самым сделать ЛНТ как бы «заложником своей идеи», связать его во многих аспектах жизни и творчества.

Показательны здесь роль и влияние такой сильной и, скажем так, неоднозначной личности, как Владимир Григорьевич Чертков. В среде филологов, историков русской литературы на его счёт существуют подчас полярные по своей противоположности мнения. Нельзя отрицать весьма существенного значения всей его деятельности, направленной на сохранение и развитие художественного и публицистического наследия Толстого, того же активного участия в издании уникального полного собрания сочинений писателя уже в советское время. Но, будучи поначалу прилежным учеником писателя, Чертков довольно скоро сумел подчинить своей совершенно незаурядной воле такого, казалось бы, волевого и упорного в достижении поставленных целей человека, как ЛНТ, ставши «тёмным ангелом» всего семейства Толстых, в расколе которого его роль достаточно известна.

Власть этого «убогонького деспота» (как называл его Василий Розанов) доходила порой до трагикомичного. Дочь писателя Александра Львовна вспоминает: «Обедали на террасе, было жарко, комары не давали покоя. Они носились в воздухе, пронзительно и нудно жужжа, жалили лицо, руки, ноги. Отец разговаривал с

Чертковым, остальные слушали. Настроение было весёлое, оживлённое, острили, смеялись. Вдруг отец, взглянув на голову Чертова, быстрым, ловким движением хлопнул его по лысине. От налившегося кровью, раздувшегося комара осталось кровавое пятнышко. Все расхохотались, засмеялся и отец. Но внезапно смех оборвался. Чертов, мрачно сдвинув красивые брови, с укоризной смотрел на отца.

— Что вы наделали? — проговорил он. — Что вы наделали, Лев Николаевич! Вы лишили жизни живое существо! Как вам не стыдно?

Отец смутился. Всем стало неловко...»

Такой вот «ученик, превзошедший учителя».

Но самого так называемого «учения Льва Толстого» как доктрины, имеющей самостоятельное значение, никогда ведь и не было, ни в какую философско-этическую и вероучительную систему оно так и не сложилось и сложиться не могло. Как не сумело и создать более или менее определённое и устойчивое сообщество последователей, подвижников, поистине новых людей (какими были первохристиане или магометане), работающих на его развитие, на будущее. На это способны лишь глубоко разработанные и последовательные мироустроительные «проекты» несоизмеримого с «толстовством» охвата, масштаба, как христианство, ислам, буддизм и другие вероучения, ставшие позже надсистемными. Как и собственно социально-экономические

и политические мир-системы, так же способные выдвигать из людей «себе на потребу», под себя вполне определённые типы наций и сообществ: капитализм европейского или азиатского типа, разновидности госкапитализма, социализм русского и других видов, неокOLONиальные подсистемы.

Именно за людей идёт никогда не прекращающаяся борьба глобального охвата, и желание веры в человека упирается в непреодолимый сегодня — и даже в обозримом будущем — всё тот же вопрос: в какого человека? «Цветущая сложность» (Константин Леонтьев) человечества оборачивается таким разнообразием всячески разделённых рас и наций, народностей и страт, условий, форм и обычаев существования, ментальных особенностей, целевых установок и самого умения мыслить, что понимаешь: недаром Иван Ефремов отнёс желаемый образ единого человечества в очень далёкое, через многие сотни лет, будущее.

Но по неумолимой логике исторического развития человеческий мир всё-таки становится менее разобщённым, более единым в своих взаимодействиях и всепроникающих связях, с великим трудом и всевозможными сложностями и срывами пытаясь продвинуться к каким-то базовым объединительным началам, к самому образу будущего Человека. Каким он должен быть по своим качествам и целевым установкам, по направлению своего развития? И есть ли хоть какие-то социальные, морально-нравственные, психологические наметки его, Человека, в практике

только-только начатого — на стадии обсуждения проекта — строительства общепланетного Дома? И какова будет та же социальная и нравственная архитектура этого Дома? Ну не сияющий же «град на холме», а вернее, на провонявшей всем и всяческим насилием гомерической груде виртуальных USD, не тесный и сварливый европейский дворик с толерантностью Содома...

И потому неким совершенно неожиданным откровением стало высказывание всем известного и умнейшего из наших современников, старейшего — девяноста шести лет — антагониста СССР/России Генри Киссинджера: «У нас был только секс, а у них была любовь. У нас были только деньги, а у них была искренняя человеческая благодарность. И так во всём. Меня сложно назвать поклонником социализма, я западный человек с западным мышлением, но я считаю, что в Советском Союзе действительно рождался новый человек, можно сказать — homo soveticus. Этот человек был на ступень выше нас, и мне жаль, что мы разрушили этот заповедник. Возможно, это наше величайшее преступление...»

Что ж, надо отдать должное прозорливости и своеобразной честности старца мировой политики (в отличие от упёртого русоненавистника Бжезинского, упокойника) и во многом согласиться с ним. Как, впрочем, и с другим его высказыванием: «Кто-кто на Западе пару лет назад

только поняли, что именно Запад и США проиграли в холодной войне. Развалив СССР, они помогли именно России скинуть ненужный балласт из дотаций республикам (и, замечу, соцлагерю, коммунистическим и прочим движениям по всему миру — П.К.), укрепив её. Ну и Путин...»

Один из авторов детанта-разрядки и насквозь обманной конвергенции, то есть якобы сближения социалистических и капиталистических обществ (и, разумеется, их элит) вплоть до их слияния в будущем, на которую повелась брежневская верхушка в начале семидесятых, он и сейчас остаётся умнейшим, а потому и опаснейшим нашим противником. И его нынешние невольные признания говорят лишь о том, что американское общество, да и сообщества самого Запада в целом, переживают сейчас весьма критичные времена. «Плавающий котёл» Америки на глазах превращается в котёл паровой под нештучным внутренним давлением, и никакие предохранительные клапаны мультикультурализма теперь не срабатывают, как раньше. В Штатах обострившаяся донельзя проблема «чёрно-белых» взаимоотношений (прозванная уже у нас «революцией баклажанов» — по аналогии с другими «цветными», теперь бумерангом вернувшаяся к ним) так наложила на внутриэлитную свару «демократов» и «республиканцев», что ни о какой внутренней консолидации американской нации говорить теперь

не приходится. А это значит, что и никакой внятной концепции Будущего и места — и образа! — человека в нём у Америки, по сути, нет, да и не было, кроме старого тупикового целеполагания англосакса-трудоголика: «заработал — получил — потребил». Как нет ничего нового и в геополитике, кроме неумёмого и явно туповатого диктатора и агрессии по отношению ко всем, кто ходит «не в ногу» с ней. А если судить по одному из идеологических гуру её, Голливуду, то следует ожидать переноса «архиагрессии» Запада (А.Д. Тойнби) с войн земных в «звёздные войны», другого видения грядущего у конгрессменов и футурологов США никак не просматривается.

Концепция человека Будущего намертво зависла и у нас. Госкапитализм, который пытаются выстроить сейчас правящие круги страны, не может дать ответа на этот вопрос в силу того, хотя бы, что не определена сама идеология развития, сама цель этого строительства, подменяемая набором монетаристских, ещё гайдоровских цитат-мантр, казённым квази-патриотизмом и мутными декларациями. Которым, в свою очередь, полностью противоречит практика претворения этих деклараций в жизнь. Нового человека «не планируется» в принципе, ну разве что увеличить производительность его труда и конкурентоспособность не ниже европейского уровня и пообещать поднять планку прожиточного минимума до той же отметки. А «культурку» нашей молодёжи подбросят

беснующийся на всех каналах ТВ-радио и интернета масскульт и продвинутый даже в Третьяковку и Большой театр постмодерн, подкинут обитатели «Мосфильма», страстно ждущие поощрительной ухмылки западных продюсеров, издатели отнюдь не высокой пробы чтива вроде поделок Гузель Яхиной, а с ними и держатели премиальных «общаков», поскольку коммерческий товар должен быть пропиарен.

Вопрос пока лишь в том, что осталось в нас от homo soveticus после тридцати с лишним лет жестоко навязанного выживания и неистовой промывки мозгов и сердец «либералами», подручными ворованного капитала, в своей хорошо оплаченной тоже ненависти обозвавшими всех нас «совками»... нет, до ума Киссинджера им, конечно, как до Полярной звезды.

Потери велики, и сохранить оставшееся в нас после всех испытаний советское, имеющее основой себе прежде всего русский национальный характер и близкие к нему менталитеты других населяющих нашу Россию народов, — это задача нынешнего дня. Но «капиталистический способ производства», преуспевший в выделке товаров и услуг, совершенно негоден к созданию нового социума, нового человека — и это, как ни суди, пусть и продлённый в будущее общим нашим пресловутым терпением и тугодумием, но тупик. И даже «бесконечный тупик», как убеждён один многознайка-пессимист. И что же, мы согласимся с этим?

Перед вами уникальный материал, на первый взгляд, не нуждающийся в особых комментариях. Это подлинный фронтовой дневник Василия Андреевича Щербакова, созданный, по его словам, «в промежутках отдыха, на привалах, у костров, в блиндажах, в пышных господских домах». Охватывающий период с 11 января 1943-го по 22 мая 1945-го годов дневник был переписан автором 20 июня 1945 г., или, как он выразился, была «снята копия с истрёпанных тетрадей».

Призванный в неполные восемнадцать лет из Жердевки (род. 26 октября 1925 г.), где он закончил семилетнюю школу и ФЗУ, Василий Андреевич буквально с первого дня мобилизации столкнулся с жестокой правдой жизни и непростыми межличностными отношениями, страшно далёкими от тех, что и по сегодняшний день широко тиражируются с экранов телевидения и со страниц других средств массовой информации.

В оригинале дневник представляет собой нестандартную записную немецкую книжку размером 11x13 сантиметров общим объёмом в 109 страниц, исписанных химическими чернилами различных оттенков. Максимальное количество строк на странице не более двадцати. Дневник, по-видимому, не подвергался редакции, ибо был переписан в течение всего одного дня. Заставляет надеяться на это и достаточно юный возраст победителя, ставшего ветераном Великой Отечественной войны в неполные двадцать лет.

Несомненно, что его правда о войне — это правда отдельно взятого человека, никогда не занимавшего высоких воинских должностей, не командовавшего крупными воинскими соединениями. Самая высокая должность Василия Андреевича — командир пулемётного расчёта. Но она, его правда, тем и ценна, что позволяет нам, сегодняшним, в отличие от автора, пережившим развал Советского Союза, попытаться иными глазами взглянуть на ставшие хрестоматийными события, абстрагироваться от вала навязываемого нам лжепатриотизма, потихоньку заполняющего самые сокровенные уголки нашего сознания.

Как известно, всё хорошо в меру. И патриотизм — чувство глубоко нравственное — не измеряется никакими единицами. Он проявляется, как правило, в критические моменты жизни общества, однако его нужно бережно и без излишних рвения и фанатизма культивировать в душах и сердцах соотечественников, не превращая в клише и не истончая до дыр такие понятия, как «долг» и «отечество».

К сожалению, автор не увидел свой дневник опубликованным, да и, по-видимому, никогда не стремился к преданию его огласке. Простой русский воин и защитник родины Василий Андреевич Щербаков ушёл из жизни по воле слепого случая 24 августа 1982 года.

В. Краснов, кандидат исторических наук